Наука в Сибири

70 ЛЕТ ПОБЕДЫ

Три университета лейтенанта Яненко

*Страницы военной биографии математика, академика **Николая Николаевича Яненко** могут показаться выдуманными романистом. Но они — не литература, они — сама жизнь. Точнее, та ее часть, которая определила все остальное*

Глубокий тыл

Николай Николаевич Яненко в июне 1941 года был студентом физмата Томского университета, перешедшим на третий курс. Тогда его в армию не взяли — из-за сильной близорукости. Жить в тылу стало трудно уже в 1939-м, с началом финской войны. Но настоящий голод пришлось переживать зимой 1941—42 года. В семье Николая мать одна поднимала пятерых детей (отец очень рано умер), и помочь родные почти ничем не могли и в мирное время.

В.Н. Суслова, однокурсница Н.Н. Яненко: «В учебе он всегда был одним из самых сильных… Запомнилось, что он был очень бедно одет, даже по сравнению с нами».

Из книги воспоминаний об Н.Н. Яненко: «Вот он стоит в очереди за пайком хлеба. Он занят серьезными размышлениями, которые не покидают его и по дороге домой. Уже взявшись за щеколду двери, он обнаруживает, что руки пусты — весь хлеб он съел сразу. А ведь намеревался собрать всю силу воли и, разделив паек на равные части, обеспечить себе завтрак, обед и ужин.

У Николая от недоедания началась куриная слепота — с наступлением сумерек и до света он ничего не видит. Друзья помогают ему передвигаться, поддерживая под руки. В это отчаянное время старший брат Шура — капитан — на неделю приезжает из армии домой. И Николай целую неделю ест (вместо Шуры) в офицерской столовой жареную печенку. Зрение возвращается. А когда без сознания от голода падает его товарищ Степан Боровенский, у Коли хватает сил погрузить его на санки и отвезти в медпункт. Помощь подоспела вовремя».

Уже летом 1942 года Николай Яненко окончил университет. У него диплом с отличием, поэтому место работы он выбирает сам. Это село Северное, там он будет преподавать математику в школе. Мог бы остаться в Томске, но все говорят — в деревне сытнее. Через два дня после прибытия в Северное он получает повестку. Медицинские нормы пересмотрены, и его близорукость уже не преграда для армейской службы. В октябре 1942 года, после краткого обучения, рядовой Яненко в составе вновь сформированных частей 2-й ударной армии выехал на фронт — под Ленинград, на прорыв блокады.

На передовой

В 1983 году на встрече ветеранов 376-й Кузбасско-Псковской Краснознаменной дивизии с юными следопытами Кемерова, Ленинск-Кузнецка и Новосибирска академии Яненко рассказывал:

«Это было трудное для нас время. Страна мобилизовала все силы, из Сибири шли пополнения на подкрепления частей, которые сражались на фронте.

22 октября мы выехали из Бийска и 17 ноября прибыли в район ст. Войбокало под Ленинградом. Войбокало было совсем рядом с передовой, и мы сразу же услышали артиллерийскую канонаду, которую я сначала принял за раскаты грома.

Я был направлен в 1248-й стрелковый полк. 11 января 1943 года части нашей дивизии стали выдвигаться на исходные позиции, а 12 января был нанесен общий удар по немецким войскам, начавшийся более чем двухчасовой артподготовкой. На всей передовой стоял сплошной гром и гул, работали все калибры артиллерии и «катюши».

В первый день наш фронт продвинулся на 3 км. Противник усилил сопротивление, 376-й дивизии пришлось буквально прогрызаться через оборону немцев, напичканную огневыми точками и дзотами. Нужны были танки, но они не могли эффективно действовать, т.к. кругом были торфяные болота. Очень ожесточенными были бои за высоту Синявино. Она много раз переходила из рук в руки. Вблизи нее образовалось кладбище подбитых танков, немецких и наших.

Семь дней шла битва в лесах и на болотах, на заснеженных полях, а на восьмой день наши ударные группировки соединились в районе рабочего поселка № 5. Блокада была прорвана».

Наступившее затишье командование использовало и для того, чтобы развернуть агитационную кампанию. Лейтенант Лорман, работник штаба армии, искал среди солдат тех, кто хорошо знал немецкий, чтобы вести устную и печатную пропаганду. Он вспоминал: «Кто-то мне подсказал, что во втором эшелоне есть солдат с университетским образованием. Разыскал его, убедился, что он хорошо владеет немецким (оказалось, что он также знает английский и французский), и он был откомандирован в мое распоряжение».

Николай стал пропагандистом. Обязанности его заключались в следующем: выучить наизусть текст, с наступлением темноты в сопровождении автоматчиков выползти на нейтральную полосу и, укрывшись в воронке, читать через простой жестяной рупор обращение к немецким солдатам с призывом сдаваться в плен. Обычно немцы несколько минут слушали, потом открывали огонь. Через некоторое время появился выносной динамик, можно было, находясь в блиндаже, ставить пластинки с речами немецких антифашистов. Однако именно такая пропаганда вызывала наибольшую ярость у немцев — во время одной из передач они открыли артиллерийскую стрельбу, блиндаж был разбит, часовой погиб. Николай каким-то чудом не был даже ранен.

Вскоре он стал переводчиком при штабе — вел допрос пленных, читал захваченные документы, составлял сводки по разведданным. Но его ближайшими друзьями были не штабные офицеры, а разведчики на передовой. И еще — молодой антифашист, сотрудник комитета «Свободная Германия» Пауль Маш, который работал в отделе контрпропаганды. В 1984 году он написал: «Я никогда не забуду товарища Николая. Он очень способствовал тому, чтобы из меня, немецкого военнопленного, сформировался сознательный антифашист, и тому, чтобы росла германо-советская дружба… Меня поражали его обширные знания, особенно в области немецкой литературы. Мой боевой друг был оптимистом, всегда готовым помочь в трудную минуту, стойким и любознательным. На его лице всегда была улыбка, когда он видел меня и приветствовал в это тяжелое время».

Из воспоминаний Н.Н. Яненко:

«Я очень дружил с разведчиками. Будучи военным переводчиком, я участвовал в их операциях, допрашивал пленных прямо на передовой. Общий риск, общее дело сплачивали людей, и я не помню, чтобы между нами были какие-то ссоры…».

И разведчики уважали и ценили Николая. В том числе и за то, что он отдавал им свои сто грамм и табак — на фронте он не пил и не курил. Зато в свободную минуту читал какие-то мудреные книги, которые носил в своем вещмешке.

Теория и практика

Из письма Н.Н. Яненко своем учителю П.К. Рашевскому, геометру, профессору МГУ, находившемуся в эвакуации в Томске, где они и познакомились.

*«**1 мая 1945 года***

Несколько месяцев назад я выписал из дому книги «Топология» Зейферта и «Дифференциальная геометрия» Бляшке, но за это время продвинулся, надо сказать, очень недалеко: дошел до групп гомологии. В условиях наступательного боя и даже обороны занятия по математике — трудная вещь… Не дав существенных результатов, эти занятия, однако, убедили меня в одном: что могу и в малый срок восстановить свои знания и, возможно, даже — тонус математической мысли. На этом кончаю.

*P.S. При изучении групп гомологий симплицированного комплекса натолкнулся на понятие фактор-группы… (Далее на полстраницы идут математические выкладки. — **Н.Б.**). Если Вас не затруднит, прошу дать определение фактор-группы и нормального делителя. В ожидании Вашего ответа Ваш Яненко».*

25 апреля 1975 года, сорок лет назад, в радиоинтервью для молодых сотрудников ВЦ СО АН Николай Николаевич, отвечая на вопрос «Что Вы думали на войне о будущей мирной жизни?» сказал: «У меня были две мысли. Мне хотелось повидать свою мать. Это мне не удалось. И второе — я думал заниматься своей любимой наукой — математикой. И я даже одно время мечтал, как построить теорию сражений».

Теорию сражений Николай Николаевич не создал, но практику прошел. Вот отрывок из статьи «По всем правилам военной науки» (газета политотдела 376-й стрелковой дивизии «Атака», 5 марта 1944 года).

*«Смелым обходным маневром наши бойцы заняли населенный пункт. Одним из звеньев обороны немцев на подступах к опорному пункту была эта деревня. В борьбе за нее противник предпринимал яростные контратаки пехоты, поддержанные танками. Брать населенный пункт атакой с фронта командир (им был младший лейтенант Н. Яненко. — **Н.Б.**) считал нецелесообразным, ибо гитлеровцы здесь сосредоточили огонь пулеметов, минометов и артиллерии. Кроме того, командир ставил перед собой задачу не только захват населенного пункта, но полный его разгром. Вот поэтому он и решил предпринять глубокий обходной маневр с заходом немцам в тыл и ударом с фланга. Чтобы отвлечь внимание и силы противника, создать видимость наступления с фронта, нашей группе было приказано атаковать деревню в лоб.*

По условному сигналу бойцы пошли в наступление. Немцы заметили их приближение и открыли огонь. Тогда командир приказал броском выйти из-под обстрела и стремительной атакой выбить немцев с северной окраины. Не успели гитлеровцы прийти в себя, как мы ворвались в деревню. Несмотря на то, что неприятель усилил обстрел, мы прочно удерживали за собой захваченный рубеж. Не помог немцам и брошенный в контратаку танк с десантом автоматчиков.

Как раз в это время с флангов ударили бойцы другого подразделения. Гитлеровцы, не выдержав натиска и напора советских воинов, стали отходить. Населенный пункт был взят.

Красноармеец И.Матвеев»

За эту боевую операцию и за работу рупористом Николай Яненко был награжден медалью «За отвагу». Она была для него очень дорога. Потом он получил еще медаль «За оборону Ленинграда» и орден Красной Звезды. Это было уже в Курляндии, где взятием Кенигсберга для лейтенанта Яненко закончилась война.

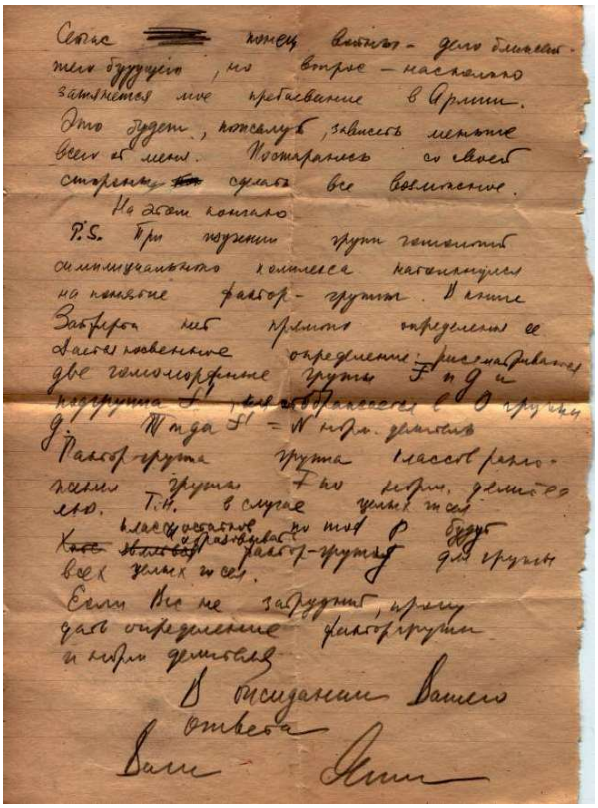
Мы — вечные должники

Из заключительного слова академика Яненко на встрече в юными следопытами (1983 год):

«Тот, кто был на войне прошел гигантскую школу, своеобразный университет. В этом смысле я могу сказать, что закончил три университета — Томский, Ленинградский и Московский. Я не военный человек, но пережил на войне очень много, как всякий фронтовик.

Сознание того, что мы живы и поэтому в долгу перед павшими, заряжало нас такой энергией, давало такую зарядку, что мы преодолевали все препятствия, которые перед нами стояли. После войны мы перенесли дух фронтового натиска на мирные исследования. Мы поняли, что без техники не может быть безопасности Родины. На развитие такой техники, передовой технологии, — а математику я тоже отношу к технике, — я приложил все свои силы. Этим я отмечаю свой долг перед теми, кто не вернулся с войны. Мы — вечные должники этих непришедших, этих известных и неизвестных героев, которые обеспечили своей кровью нашу победу».

Наталья Бородина



Письмо Н.Н. Яненко своему учителю П.К. Рашевскому